

Эмиль Лоткин

ДВОЙНАЯ СПИРАЛЬ

Не в сосисе,
не в том глухом просира
ду и сна в звуки
делони днннн
ленд, свои тнннн
огромный мир
горный шар, земной.
Его меридианов
и условия
они во мне пульсацией
они во мне бурют свои
и слова, возбуждают
они мои артерии
в которых
пробито мною отверстие
Кровь моя
ищет

Эмиль Лотману

ДВОЙНАЯ СПИРАЛЬ

Издательство
«Карта Молдовеняскэ»
Кишинев * 1976

М 2
Л80

Перевод с молдавского

© Издательство «Картя Молдовеняскэ», 1976

Л $\frac{70403-185}{M751(12)-76}$ 304—75

Книга

Созрело время,
Час тяжел и плотен.
Из плах некрашенных
Воздвигнут эшафот.
— Почтенный люд, я здесь, на эшафоте!
Глотателя ножей пришел черед...

Скользит по горлу
Роковой металл —
Двойная грань, пропитанная смертью.
Я в книге нож и стон замуровал
С капризной ярмарочной круговертью.

Созрело время,
Час тяжел и плотен,
Года вернулись на свои круги,
И вновь воскресли и налились плотью
Мои любви, братья и враги...

Тянусь, как жеребенок длинным, горлом,
К моей любви, в ладонь ее упасть,
Чтоб ощутить устами, сердцем голым
Минувших дней немеркнувшую страсть.

Друзья мои — ста скрипок голоса,
Небес моих высокое виденье, —
Для жгучих ран прохлада и роса
И горное вино для исцеленья.

Мои враги..
Я знаю, их примета —
Глаз, что глядит гнилой трясиной стыло.
Они любили птиц в зените лета
И вдохновенно рыли им могилы.

Созрело время.
Час тяжел свинцово.
Мосты возврата сожжены уже.
Взмыв радугой, спускаюсь в книгу снова
По лезвиям подставленных ножей.

Слева у меня в груди...

*Не в космосе,
не в том глухом пространстве,
а у меня в груди
бессонно дышит,
летя своей тяжелою орбитой,
огромный мир,
горячий шар земной.
Его меридианы не условны —
они во мне пульсируют упруго,
они во мне
берут свое начало
и снова возвращаются ко мне.
Они — мои артерии,
в которых
тревожно бьется
кровь моя живая,
и слева,
у меня в груди,
бессонно
вращается огромная земля.*

Во мне живет вся боль ее,
и ночью,
покуда печь в Освенциме пылает,
во мне моря
колоются от гнева,
и слезы
по щекам моим текут.
Да, слева,
у меня в груди,
дымятся
все города сожженные,
и танки
кровавый след на травах оставляют —
он тоже слева,
у меня в груди.
И слева,
у меня в груди,
веками
ждут матери сынов своих,
пропахших
окопным дымом,
без вести пропавших,
домой не возвратившихся с войны.
Да, слева,
у меня в груди,
веками
ждут матери сынов своих,
и слева,

в моей груди,
печальные девчонки
венчальные наряды берегут.
И слева,
у меня в груди,
весною
потоки света шире
и щедрее,
и первый добрый ливень
с Хиросимы
тогда смывает атомную пыль.
Да, слева,
у меня в груди,
планета
неутомимо дышит,
засыпает,
и снова просыпается,
и снова
грохочет слева,
у меня в груди.

Северный лес

*...Многие из нас пришли в
Поэзию с севера Бессарабии,
где растет дуб Стефана Великого*

Ночью

*Дубы в волненье и гнев,
Как кони, с молоком всосавшие огонь.*

Ночью

*Дубы в смятенье и гнев
Мнут землю под собой единственной ногой.*

Разгоряченные,

Срываются с корней

И прорезают мрак погоней скорой, —

Так жаждет всадников

Косяк лихих коней,

Чтоб, оседлав,

В бока вдавили шпоры!..

Но всадники из гайдуков отважных

Давно сменяли лес на лист бумажный,

И в гривы вороных поцеловали,

И на перо с чернилами сменяли...

В час расставанья — тяжкий и высокий —

Настигнут нас моих заклиний строки:

Да не придет к нам с благодушной ленью
Угасшей крови вялое биенье;
Да не придут к устам и мысли нашей
Благоразумья раннего семь стражей;
Да не сопутствуют нам век — ни врозь, ни сворой —
Ни лис, ни волк, ни попугай, ни ворон!
Пускай шумит дубов смятенье
В нас!
Я видел их ожесточенья
Час
Под ливнем осени,
Нагих
И без прикрас, —
Они, ребята, думали о нас,
о нас...

Риск

*Я верю, я верю в риск,
в безумное счастье риска,
как верит в летящий диск
на играх метатель диска.*

*И бьется в ладонях шар
надежды, как небо, белой.
До истины — детский шаг,
но самый большой и смелый.*

*Да будет всегда с тобой
удача, метатель диска!
Я верю, как верят в бой,
в жестокую мудрость риска.*

*Вам, что со мной пойдете,
многого не обещаю.
Не обещаю хлеба,
Не обещаю женицин.
Не обещаю света.
Даже и возвращенья
я вам не обещаю.
Вам, что со мной пойдете,
я обещаю только
день,
в который дойдете.
И кто-то из вас внезапно
ослепнет на миг от солнца,
открытого им впервые
в галактике этой дальней.
Ртом своим обожженным,
запекимся губами,
счастливым,
Он тихо вскрикнет:
— Эврика, мальчики, эврика!*

Звезды зовут

*Уже тысячу лет
я люблю
небеса эти черные,
эти звезды,
бессонно мерцающие
в вышине.
О далекие звезды,
о невесты мои
нареченные!
Что вы думаете,
что вы знаете обо мне?*

*Бесконечно далекие,
вы бывали земными
и близкими,
и тогда удавалось
до вас дотянуться
рукой.
Вы горели на знамени,
вы парили*

*над обелисками,
вы в стихах,
как заглавье,
сияли над первой строкой.*

*Вот стою перед черной
глубокой
таинственной бездною.
Как вы ярко горите,
к себе
меня властно маня!
Вы проходите тихо
свою дорогой
небесною,
но далекий ваш блеск
отразился
в глазах у меня.*

*Проклинали меня
и карали
жестокими карами.
И за дерзость мою
я у смерти бывал на краю.
Но гудят
у меня за спиной
не крылья Икаровы —
сын двадцатого века,
рукою до вас достаю.*

*Я еще к вам приду,
о далекие странницы
гордые!
Тишину разбужу,
к неземному придя
рубежу.
Я еще к вам приду,
и взойду
на хребты ваши горные,
и на ваших полянах
земные цветы посажу.*

*Будут пахнуть они
иван-чаем,
и розами чайными,
и другими цветами
планеты моей голубой.
Но однажды
внезапно
глаза мои станут печальными,
голубую планету
вдали увидав над собой.*

Баллада о синем снеге

*Падая он белый-белый.
Был он белее лилий.
Лебедя был белее,
белее цветущих вишен.
Вы никаких намеков
или иносказаний
в этой моей балладе,
пожалуйста, не ищите.
Все было очень просто.
В роце играли дети.
Снег этот белый-белый
вздумали перекрасить.
Нечего удивляться —
так оно все и было.
Дети достали краску
и порошок чернильный.
Ходят они по снегу,
ходят и рассыпают
кто порошок чернильный,
кто голубую краску.*

Вспыхивает внезапно
снег у них под руками
синими огоньками,
синими васильками...
Шел я по своей роще,
по голубому снегу.
Давней поры виденья
в памяти оживали.
Мимо меня на запад
красные шли составы.
Были снега багровы,
были снега кровавы.
Вы не стесняйтесь, дети,
снег этот красьте, красьте —
красьте его, как хотите,
милые живописцы.
Пусть он будет лиловым,
зеленым
или же красным,
но пусть это будет краска,
а не кровь человека.

Хиросима во мне

*И опять я увижу ее
этой ночью во сне,
полутень, полудевочку
с чертами японского облика.
И опять я увижу —
походкой, обычной для облака,
из меня она выйдет,
чтоб жить этой ночью
во сне.
Это часто бывает.
За нами поет океан.
Мы спускаемся к берегу,
в белом песке утопая.
Там — вода,
изнутри озаренная,
цвета токая.
И лежит ее Токио
там, где поет океан.
К нам рассветы плывут,
как осколки цветного стекла.*

*Мы берем их и смотрим:
в них солнце,
как ягода, вкраплено.
Я ее рассмешу!
Ведь ни разу не видела
Чаплина
та, с которой мы смотрим
в осколок цветного стекла.
Но мое пробуждение
будет жестоким,
как взрыв, —
мертвым только во сне
к нам, живым,
приходить разрешается.
Полутень, полудевочка!
Все на земле разрушается,
но с тобой
никогда
не покончит
ни слово, ни взрыв.
И свежа моя память,
И боль моя вечно свежа.
За черту эпицентра
походкой, обычной для облака,
полутень, полудевочка
с чертами японского облика
перешла и увидела —
боль моя вечно свежа!*

Глобус

*Ах, этот глобус,
маленький глобус школьный!
Он в пятом классе
скромно живет в углу.
Глобус школьный
словно бы мяч футбольный —
снял с подставки
и начинай игру!*

*Ну-ка ударь по полюсу
с разворота!
Двинь его сбоку,
Там, где река течет!
Дай ему по экватору
и — в ворота,
гол забивая
и открывая счет...*

*Но не бросают глобус,
не обижают...*

*Здесь в пятом, классе,
дети, как и везде,
глобус не обижают,
а уважают,
изображают
красками на листе.*

*Ну-ка скажи-ка,
что за река такая?
Что это за пустыня
перед тобой?..
В тайны его великие
проникая,
пальцами дети вертят
шар голубой.*

*Вертится глобус.
Страны и океаны.
Падают водопады.
Шумят леса.
Грозно стоят вулканы,
как великаны.
Птицы кричат,
и странны их голоса.*

*Вертится шар,
тому уже четверть века
усыновивший*

*маленького
меня.*

*Раб на нем превращается
в человека
и разгибает спину,
целью звеня.*

*Вертится шар,
где птицы стремятся к югу,
где происходит смена
ночей и дней.
Шар, где я научился
идти сквозь вьюгу,
ношу нести
и спину не гнуть под ней.*

*Ах, этот глобус,
круглый, как мяч футбольный,
шар,
где наша земля
уместилась вся!
Вертится глобус,
вертится глобус школьный,
детских ладоней след
на себе неся.*

Голуби с нашей улицы

*Сумасшедших крыльев плеск тугой.
Улетают голуби куда-то.
Белые, летят они в рассвет,
красные, летят они к закату.*

*Над домами немые небеса,
кружится земля в обнимку с маем.
Улетают голуби от нас,
да и мы, взрослея, улетаем.*

*Голуби, живите, рвитесь ввысь,
крыльями веселыми машите!
Ждут вас озорные пацаны,
братья наши милые меньшие.*

*Видите их ясные глаза —
сколько их в любом дворе и доме!
Лучшие насесты на земле —
детские шершавые ладони.*

*Вы для них — мечты о высоте,
доскутки летающего неба.
Вас ребята просом угостят,
на дорожку покрошат вам хлеба.*

*Луки самодельные не в счет!
Ерунду про них наговорили!
Гнезда на орешинах для вас
цепкие их руки смастерили.*

*Пусть в заплатках брюки их — на то
обращать внимания не стоит!
Водрузить на дерево гнездо
для ребят чего-нибудь да стоит!*

*Где — черна их кожа, где — желта.
На земле немало стран, но все же
душами на вас, на голубей,
уверяю, так они похожи!*

*Голуби, глядеть на вас люблю,
пусть быстрее и легче вам летится.
В вас — улыбки сверстников моих,
слушающих сказку о Жар-птице.*

*Но с годами страх сильнее мой
за высоты с облачным кипеньем.
Я боюсь, что смерти черный град
На лету ударит вас по перьям!*

*Знаю: сторожат вас подлецы,
ходят они полем, рыщут бором,
знаю, что высматривает вас
с мачтовой сосны глазастый ворон.*

*Я хочу, чтоб голос мой проник
в дальние леса, в седые веси.*

Пуля

*да минует почтаря,
мчащего ко мне с хорошей вестью!*

*Под его распластанным крылом
в стороне от грома и от града
сердце тихой улочки моей —
детство мое, добрая отрада.*

Дунайский закат

*Как бы вырубленные из камня,
горбоносые рыбаки
на дунайский закат глядели
молчаливо
из-под руки.
В озаренной воде Дуная,
на закатном ее пиру,
как дельфин в сумасшедшем танце,
ты с волною вела игру.
Ты ныряла,
в волне летела,
опьяненная той игрой:
от ладоней летели брызги
яркой, звездною мошкаррой!
А потом утомленно,
сонно
ты плыла на седой реке,
и тебя,
как крупницу счастья,
нес Дунай на своей руке.*

Ты смеялась.
Летел твой голос.
Я ловил его на лету.
Он сливался с рыбацкой песней,
раздвигающей темноту.
Рыбаки — их ладони, скулы
грубо слеплены
и темны,
как костры, их глаза горели,
жаром молодости полны!
Вот ты встала из пены белой —
волшебство мое, колдовство! —
и скатилось ручьями солнце
с тела смуглого твоего.
Старики на тебя глядели,
как на гостью из дальних лет,
там, где юности светлый берег
молча смотрит уплывшим вслед.
Рыбаки подходили к лодкам,
прикасался Дунай к веслу,
вместе с лодкой и вместе с песней
унося их в сырую мглу.
Мы ложились в траву,
и были
небеса над нами черны.
Плыл Дунай, и скользили звезды,
как затерянные челны!
Вся земля проплывала лодкой

в блеске млечной седой пыли,
а гребли великаны —
люди,
звезд отчаянные ловцы!
И, глаза распахнув,
мы спали,
и текла эта ночь в крови,
и весь мир
состоял
из ночи,
из Дуная
и из любви.

*У распахнутых глаз
я тебя на ладонях несу,
в белый сон твоих плеч
я лицо окунаю,
ничего я на свете не помню,
не знаю —
я тебя на пугливых ладонях несу.
Слышат пальцы,
как плечи дрожат в темноте,
слышат губы
дыханье волос твоих легких.
Это ветры
запели в пещерах далеких,
это струны, как эхо, поют в темноте.
Ты как скрипка,
ты очень еще молода.
Твоя музыка тихо сочится сквозь веки.
Будто в глубь пирамид,
я твой облик навеки
в глубь зрачков заточил навсегда,*

навсегда...

Ты — поющая скрипка!

Ты стала моей.

*Но тревога чуть брезжит, как утро,
неясно.*

Понимаю:

ты слишком земна и прекрасна,

чтоб вот так

навсегда

оставаться моей.

Потому-то

беру я свой нож

и не сплю,

и пилю это дерево, юный и резкий.

Вот я вырезал плечи.

Вот профиль твой дерзкий.

Я дарю тебе голос и вздох,

Я не сплю.

Как ребенка,

я скрипку в ладонях несу,

вновь я слышу шаги

дорогие такие!

И, прошедшую сквозь все обиды людские,

как ребенка,

тебя на ладонях несу...

Я с тобой не расстанусь теперь до конца!

В звуках скрипки умывшись,

ты прежнею стала,

*на руках у меня засыпаешь устало,
вся до боли моя.*

Навсегда.

До конца.

Ты

Сначала глаза,
и губы твои,
и руки —
горячие и крутые меридианы,
которые на плечах у меня скрестились.
А после — твоих волос тяжелая полночь,
а после — тихий рассвет твоего лица...
Это виденье подобно спирали звуков,
которые все громче звучат и громче —
как болеро Равеля.
Ты возникаешь
в памяти у меня
совершенно ясно —
все, чем живу, ты делишь опять со мною,
так же, как в детстве мы пополам делили
каждое яблоко
в старом нашем саду.
Тоска о тебе становится все сильнее,
и я пытаюсь забыть тебя.
Словно вьюга,

тоска меня замечает.

*О эта вьюга,
утихнет она когда-нибудь
или нет?*

*И я стараюсь забыть тебя,
я стараюсь
тебя забыть.*

*Едва глаза прикрываю —
сначала глаза,
и губы твои,
и руки,
и голоса твоего
серебряный дождь...*

Поздний час

*Ты сладко спишь,
красиво спишь,
как в сказках
царевны спят.
Я на тебя смотрю.
Я различаю —
падают мгновенья
легко, как листья
старого ореха.
Свет на лице твоём,
твоя улыбка
ко мне взлетает,
словно белый голубь
из царства
безмятежных сновидений.
Я на тебя смотрю.
Когда-нибудь
от этой юной
и прекрасной жизни
отделятся еще*

другие жизни,
и в правнуках,
в упругих их движеньях,
в горячей их крови
возникнешь ты.
И в первой их любви,
и в первой страсти,
и в нецелованных губах,
что ищут
другие губы,
и в руках, что ищут
другие руки, —
повторишься ты.
Ты ночью
от мучительной тревоги,
от сладких ожиданий
вдруг проснешься
и влажными счастливыми глазами
сто лет спустя
в глаза их поглядишь.
Так повторишься ты
в их жажде вьюги,
в потребности любви
и в жажде правды.
Спи, милая моя,
ты утомилась.
О, я тебе сочувствую —
легко ли

казаться и взрослее
и мудрее,
и не смеяться,
если нет причины,
и очень рассудительной казаться
в течение дня...
Спи, милая моя!
Свет на лице твоём —
его так много,
что хватит света
для ночного неба,
для месяца,
для звезд
и для меня.

Никогда

— *Когда ты придешь?*

— *Никогда.*

— *Неправда, ты лжешь.*

Когда ты придешь?

— *Никогда.*

— *Прильни головою ко мне,
чтобы руки мои,
подобные двум якорям,
спокойно лежали на дне
океана волос твоих,
зыблющихся как вода!*

— *Никогда.*

— *Когда ты придешь?*

*Не молчи,
говори!*

*Видишь, листья в пожаре зари,
и прощальный доносится зов
из горящих осенних лесов,
а ночами морозно,
и небо осеннее звездно.*

*Но не поздно,
не поздно —
осталась поляна одна
для меня и тебя
в заповедном лесу,
и не тронут ее холода.
Когда ты придешь?
— Никогда.
— Но еще на руке моей
я ощущаю тепло
от твоей головы —
пальцы помнят тебя,
губы помнят тебя,
ждет поляна —
ты вернешься сюда?
— Никогда.
— Если можешь, прости,
приходи,
погляди,
я наполнен тобою,
как гулом приборя.
О скажи,
ты придешь?
Ты простишь меня?
Да?
— Никогда.
— Нет, неправда,
ты лжешь,*

ты придешь,
ты вернешься ко мне,
ведь не поздно,
и эта поляна,
она еще ждет —
сквозь года
ты вернешься сюда
навсегда.
Ты придешь?
— Никогда.

Заклинание на возвращение журавлей

*Жура, братик-птица,
Журавушка-сестрица,
Дал я дождям дождиться,
Чтоб небу умыться,
Безгрешно лучиться
Невенчанной девицей.
Вот свод синевеет
Вина хмельнее...
Трава, истлевая,
Душа, изнывая,
Клоняется ниц —
Ждут светоносных птиц
Крыл взмахами тугими
Над душами нагими...
Жура, братик-птица,
Журавушка-сестрица,
Дитяти грудного
Во сне — к вам зовы,
(Дитя чуть поболее
Вас ждет с тоской и болью!)*

Дитя повзрослее
Тоской по вас болеет!
Лихоманка — болью отчаянья,
На уста печатью молчания.
И таится в землячках-девицах
Ожидания огневица,
И в блистанье лучей-косичек,
И в сосках их грудей девичьих.
Жура, братик-птица,
Журавушка-сестрица,
Мнится мне:
Звучит слышней
Голос журавлей,
Ножа острей —
Отсекающий с неба
Росу от снега.
Тогда я восстал,
Пищуицим стал
Без чужой подсказки
Письма-сказки
С любовью, с добром,
Журавлиным пером, —
Послания-моления
О вашем возвращении.

Исход

Начал начало — огненная гроздь,
Расплавленной, летящей глины горсть.
Сгустилась магма — всплеск первоогня —
В Медведицу Большую
И — в меня.
Моей любимой бедра, лоно —
Из той, что в звездах, массы раскаленной,
В ней связаны и грех, и святость прочно
С той светоносной глиной непорочной.
Солнцеподобность магмы нас смыкает
С морей мирами,
С рыбами,
С волками,
С галактиками в икс-пространстве странном
И нерожденными погибшими мирами.
Тысячелетья и меня насквозь
Великого родства пронзает ось.
Печали тень мне ляжет на чело
И грусти груз ссутулит тяжело,
Лишь потому, что чую я по-зверьи

Галактику, которой гибнуть время,
И мнится мне с высот моих раздумий:
Как шрамы ран, земные горы вздулись;
Волчата, сыты теплым молоком и кротки,
Резвятся в мире том, учась вгрызаться в глотки.
Любимая, мы были солнца выплеском,
Движеньем,
Временем — законченностью высшей.
И сквозь скольжение гада, зверя бег,
Тысячелетьями я рос, идя к тебе.
Непостижимый круг пути,
Великий круг,
Ожогом губ твоих замкнулся вдруг.
Заходит солнце в ночь,
Восходит вновь оттуда...
Материя.
Надежда.
Время.
Чудо.

Руки плебея

*Да, любимая,
руки мои — руки плебея.
Тяжелы и грубы...
Вот кладу их на плечи тебе я.
Вы, ладони мои —
шрамы, морщины, порезы, —
тыщи лет носили
и жемчуг,
и хлеб,
и железо.
Тыщи лет
эта горечь плебейская наша немая
кулаки мне сжимала,
решетки и цепи ломая.
Тыщи лет
мои руки сжимались в оковах, в опале.
Мои руки
товарищам павшим
могилы копали.
Тыщи лет*

*мести жаждали руки. Глядел я жестоко.
— Зуб за зуб! —
над могилами клялся я. —
Око за око! —
Тыщи лет
мои руки витали над злым пепелищем.
Мы, плебеи, с такими руками
любимых отыщем!
На пустыни,
на мглу нежилую они наступают,
в твоих белых ладонях,
вернувшись,
они засыпают...
Как щемяще
касается их
в тишине оробелой
снег прекрасных ладоней твоих
раскаленный
и белый!*

Колядка твоего имени

*Тебе родительское имя — Анна,
Ознобное и жгучее, как рана.
Потом, в лазурь небес вознесена,
Марией ты была наречена.
Свивальником тебе был неба шелк,
На пелену цветущий луг пошел,
А ствол березы доброй — мягок, бел —
Тесал топор тебе на колыбель.
Мир, осиянный взорами твоими,
Баюкал-пел твое двойное имя.
Когда обвально рухнут ветры, Анна,
И эхо гонится протяжно и пространно,
И безмятежно разомкнет уста
Огромность света, плавность, чистота.
Мария, звуков дивное кольцо,
Чеканенное златокузнецом,
Безбрежия лазури зоревые,
Мария, светоносная Мария...
Анна-Мария,
Книга сладости святая,
Прижав к груди,
Тебя устами я читаю.*

Расковывание

Когда твои руки молчат,
В мире ночная сонность,
Земля жидка, горяча,
Доисторично-нема,
Еще первозданная тьма
Над ней не взрывалась солнцем,
Ничье еще имя не создано,
Когда твои руки молчат.
В пространстве с пылью дозвездной
Мрак течет скрытно и грозно,
Не существует и воздух,
Когда твои руки молчат.
Воздух, он много позднее родится, —
Когда живой пар закружится,
Движением губ твоих создан.
Когда твои руки молчат,
Меж нами — астральная пыль,
Вечность и пустота.
Когда твои руки молчат,

*Мне кажется — мы планеты,
Разбросанные по вселенной,
По самым крайним окраинам,
Не вычислены никем мы,
Друг другу нужные крайне.
Сердца взрываются волнами,
И в их хаотической странности
Мы еле угадываем друг друга
В мертвом пространстве.
Из дальнего далека
Вдохнул я душу мою
В излучину жарких губ,
В их трепет и чистоту,
В горячую влажность рта,
Нетронутого лобзаньем,
И в безупречность кожи
Пальцев твоих и плеч,
В ладоней легкий челнок
Душа моя перешла.
Души моей снегопадом я
На тело нагое падаю
И руки твои теплой дрожью,
Всесилием и светоностью
Восходят в моем космосе,
Восходят, солнца ясней,
Чудом света восходят
Руки твои ко мне.
И вздыбливается небо,*

Качается и распадается,
И ось надежная вечности
Лопнула и рассыпается,
Выбиты из орбит своих,
Мы рушимся в свет и вечность,
Друг к другу тянутся руки
Друг друга нащупать встречно,
Как две мятежных планеты,
Как две ослепшие молнии,
И как две хищные птицы —
Одна к другой стремится.
След совоенный — к полозу полоз —
Сольется в один в паденье,
Нам гибнуть с тобой не порознь —
А в горестном единенье:
Мы рухнем в погибель просто
Вдвоем — и в ласки, и в росы.
Дай мне близость дыханья твоего,
Дай мне близость груди и колена,
В нашем сгоранье до тла
Сотворяется начало вселенной.

• • • • •

Руки твои — солнцезакаты мои,
Руки твои легли на плечи мои,
Опустились за земные грани...
Закат любви нашей тенью багряной
Сгущается на земле...

Маленькая поэма в ритме колыбельной

*Ирина, Ириа, Ириа...
Имя твое
напоминает мне
далекий крик чаек,
невидимых в тумане.
Их голоса
сливаются с шелестом крыльев.*

*Когда ты проходишь мимо,
Ириа,
словно туман
движется над Балтийским морем.*

*А волосы твои белые
падают на плечи
спокойно, как снег.
И плечи твои — снег,
нетронутый на дне фиорда.
Лишь кровь твоя молода,
Ириа.*

*И она кипит, предвещая
раскаленные, знойные дни,
что придут через тысячи лет
на берега Балтики,
потому что великая оттепель, Ириа,
продолжается на Земле.*

Отлив

Та женщина ушла.
Ее здесь нет.
Она в бесконечном удалении...
До нее
Миллионы световых лет,
Или нечто больше —
Руки прикосновение.
В час отлива,
На песках, выступающих из морей,
Мой палец расписывает
Рисунки алтарей,
Полных всякой всячины
Алтарей,
Похожих на прилавки галантерей.
Из соленой воды и горьких взвесей
Я сделал красочные смеси.
Опустил я в краску глубоко
Большой палец и левое око.
Расписал я цветом сладостно-горьким

*Женщину, легшую спать до зорьки,
И горько-темным — ушедшую
Женщину.*

*Потом рисовал печально
Цветом горько-отчаянным
Три красных молочных чашки
К столу,
Пару тапочек домашних
На полу,
И женщину,
И ребенка, глядящего на меня пристально,
Из сферы времени несуществующего,
Неисчисленного.*

• • • • •
*Пестрый алтарь со всякой всячиной.
Исякающий час отлива.
И над песками и над алтарями
Прилив вздымается забвенья морями.*

*Те женщины, которых я любил,
Восходят из безбрежия, как быль.
Босые ноги пахнут стужей рос,
Дрожанье бус, волнение волос...
И легок шаг,
И робок шаг их был,
У женщин тех, которых я любил...
На блюде глиняном мной преподнесены
Им соль раскаянья да немота вины.
Еще, сплетая руки в сожаленье,
Поник я головою на колени.
Клин белых журавлей и сказка вьюг
Прожгли молчанием немую боль мою,
Растаяли в безбрежности глубин
Те женщины, которых я любил.
И смотрит голо, опустевшим зреньем,
Великодушье поздних угрызений.
Нет, из ТОГДА им, белым журавлям,
Прекрасным женщинам, полет не направлять
На луговые зовы новых трав.*

*И не кощунствуй впусте, что не прав,
И постным покаянием своим
Не унижай их — не поможешь им.
Богатый данник, подать не вернешь —
Бесплодной совести бесплотен жалкий грош.*

*Они остались — чистый вечный снег,
Рассеивая перевозанный свет
В размытых очертаниях вершин,
Как пики недоступности души.*

*Воспоминаний скован кандалами,
Смешал я прах в цвет византийский — пламя,
Цвет красный — еретичного писанья
Икон, и легкий, как ресниц касанье,
Заиндевелый, словно лег на красный цвет
Дыхания любимой легкий след,
Тот цвет пурпурно-красный, исступленный —
Крик путника в пустыне раскаленной.
Да, женщины, каких любил я прежде,
Ко мне восходят тихо из безбрежья
Их вечной юности...*

Во весь мой небосклон

*Пишу их красной византийской краской,
Босых, в льняных рубашках и прекрасных...*

*• • • • •
Пишу тех женщин я, в которых был влюблен.*

* * *

*Вновь эта мгла горячая ночная
нависла над тобой, тебя губя.
Но эта мгла горячая ночная —
мои глаза, глядящие в тебя.*

*Не прячь лицо, когда горячий ветер
опять тебя торопится обнять, —
ведь это я горячими губами
тянусь к тебе, ищу тебя опять.*

*И все твои тропинки, по которым
спешишь своей походкой молодой, —
лишь две руки, раскинутые мною
над сушею земной и над водой.*

*Мой край,
моей любимой постели
постель из трав —
в них запах мятный, тминный, —
чтобы дыханье ветра и земли
слилось с дыханьем чутко спящей милой.
Когда, мой край, я от тебя вдали,
неси ее в волне своей глубинной,
чтоб я при встрече жар родной земли
вдруг ощутил, склонившись над
любимой...*

Вкус твоих губ

*«Разыскивается мальчик, граждане!
Уж три десятка лет тому назад
Он потерялся где-то на окраине
Провинциального городка,
Бродя под сумрачностью букового леса.
И девочка разыскивается тоже,
В том же лесу тогда же потерявшаяся.
Хотите имя знать?»*

Прислушайтесь к жаворонку:

*Он трелями ее выводит имя.
Хотите знать ее портрет?
Могу я
Его сейчас нарисовать словами —
Ведь в памяти моей свила гнездо
И в нем живет она уютно и свободно,
Вся, целиком. Мне все знакомо в ней
От прядки, потускневшей на сандалийке,
До легкого касания ресниц,
И до последней звездчатой снежинки,*

*Растаявшей на крохотной ладошке».
Для всех газет на свете объявление,
Для всех газет!..*

*Но это объявление
В печать, увы, никак не попадает:
Знать, рубрик для таких утрат
в газетах*

*— Не странно ли? —
пока не существует.*

*А для меня такое объявление
Исход исканий, отправная точка —
Вот этих строк настойчивый рефрен,
Рожденных и тобой и для тебя,
В почти буквально нулевой надежде,
Что ты когда-нибудь их все-таки прочтешь.
Надеюсь — слишком было бы печальным,
Чтобы такому невозможно стать.*

.

*Ты знаешь, детства радостна кончина
Под зодиаком губ твоих:*

*ведь после
Прекрасного настолько не случилось.
Касанье губ твоих исходной
точкой стало*

Горения земного моего.

.

*Исходит август в ночь свою
последнюю,*

*Последней ночью иссякает лето,
Последний день каникул истекает.
Флаг лагеря спускается.*

*И в небо
Вздымается, как флаг, огонь костра,
Гудит под ним тугой горячий воздух.
И бронзовые мотыльки взлетают,
И наших щек касаются в круженье,
Приметой начинающейся осени
Текущие с немых деревьев листья.
И лес и мы в волнах безмолвья тонем,
В бездомном океане тишины,
И в тихий океан плывем вдвоем.
Касанье губ твоих...
Сбивается ритм,
Стираются краски
И тают грани,
И никнут выдохшиеся слова.
С металлической гулкостью
Во мне нарастает трепет,
Трепет всего существа.
И я, как колокол звучный,
Наполнен собственным гулом.
...Касанье губ твоих —
Мгновенность удара тока.
Бук возвышенно и безмолвно
Осняет первый поцелуй...
Вкус твоих губ —*

*Ошеломляющий искус,
Неповторимый,
Как первый поцелуй,
Неповторимый, как жизнь.
...Узор коры векового дуба
Впечатался тогда в мои ладони,
И вот через холмы годов растущих
Я различаю на узорах кожи
Моей руки — узоры той коры.
Тот высоченный бук поныне ходит
За мною следом.
Ластится порою,
Как пес чабанский,
Пес безмолвный, верный —
Страж первого из первых поцелуя.
Как сладостна она, кончина детства,
Под зодиаком губ твоих.
Я понял
Непрошенность и боль воспоминаний,
Когда они ретиво и неожиданно
Мне за спину заламывают руки
Внезапностью слепящих озарений,
И волокут меня, как на аркане,
И, к буковому привязав стволу,
В грудь обнаженную мою
Клинок вонзают.
Стон плоти глух,
А стали призывок резок.*

Вкус боли — как погнивших яблок запах
Спиртной и спертый — в погребке зимой.
Вкус боли
И вкус губ твоих с годами
В душе все слитней, все неотличимей.
Касание губ твоих —
Недостижимость зенита.
Испепеляющий август —
Солнечный вкус твоих губ.
И тот бук
Все еще бродит со мною.
Я левой рукой обнимаю
Ствол его, глажу кору,
А правой строчу лихорадочно
Бессмысленное объявление,
Наивное до нелепости,
Почти совсем безнадежное,
Для всех на свете газет:
«Разыскивается мальчик, граждане, —
Он потерялся тридцать лет назад.
Он жил в провинциальном городке
И заблудился где-то на окраине,
Гуляя в сумрачности букового леса.
И девочка разыскивается тоже
В том же лесу тогда же потерявшаяся.
Могу легко обрисовать ее словами —
Ведь в памяти моей — ее гнездо,
И в нем она свободно угнездилась

*Вся целиком — от пряжки на сандалийке
До мягкого касания ресниц,
И до последней звездчатой снежинки,
Растаявшей давно в ее ладошке...»*

*...И сладостна кончина детства все же
Под зодиаком губ твоих.
Я знаю.*

Эхо

*Эхо света в воде:
водоросль,
жемчуг,
рыба.*

*Эхо света на земле:
пресмыкающееся,
зверь,
человек.*

*Эхо леса:
косуля.*

*Эхо холода:
смерть.*

*Эхо твоего шага:
любовь.*

* * *

*Приходят наши осени, приходят...
С последней дрожью пожелтевших листьев,
С деревьями, что заломили руки,
Танцую в обгоревших одеяньях.
Потом падут на землю их одежды,
Как у цыганок, опьяненных танцем,
Звенящих обнаженной меди звоном,
Печальным звоном листьев-тамбуринов...*

*Приходят наши осени, приходят...
В конце пути оборотясь плодами.
И кровь, бунтуя, обретая разум,
Свернется в алую округлость плода.
И ветви настороженно и чутко
Следят за горизонтом, как радары,
За первыми дозорами зимы.*

*Так наливай, чего ты медлишь, друг?
На десять жизней хватит нам вина,
А нам одна отмерена судьбою.*

*Так выпьем же, предчувствия гоня
Веселым смехом, звонким, беззаботным.
Еще плутает осень за закатом...*

...Приходят наши осени, приходят.

*Черный лес, ничего от меня не таи,
твои ночи — глубокие плёсы.
Лес, прими меня в черные ночи свои,
сыпь в лицо мне холодные росы.*

*Я улягусь на теплом нетоптанном мху
И, подняв свои сонные веки,
вдруг увижу, как там, надо мной, наверху,
прядка ветра сочится сквозь ветви.*

*Черный лес, не гони меня, шалого, прочь,
Я придавлен твоим одичаньем.
На рогах твоих ланей качается ночь —
я сольюсь с ее черным молчаньем.*

*Тишина и покой... Но обманчив покой!
Эти ночи тревожны и долги.
Слышишь — бродят косули далекой тропой,
Слышишь — рыщут клыкастые волки.*

*Ах, небо, небо! Мой огромный глаз,
Сквозь синь твою летят в изгнание птицы,
Стерня, как узник. В сумеречный час
Нагой орешник над холмом дымится...*

*Час осени, отдачи, обещания
И празднество золотых плодов на ветке,
Мгновений, отсекающих прощанье
С листвою, птицей или с человеком.*

*Ах, дымка мглы...
И зельем наговорным
Вино тоски, сожженных трав вино...
Как челн, я выброшен осенним штормом
И в винах осени иду на дно...*

Мажорная элегия

*Осенних лесов
так тревожны звуки.
Прислушайтесь,
как шумят леса!
Шумят лесные дубы да буки —
у них человеческие
голоса.*

*Падают листья
все чаще, чаще.
Уже недолго
ждать им конца.
Все тише в листьях,
горящих в чаще,
стучат мятежные их сердца.*

*Осенних листьев
печальна горькость.
Но пусть их шелест
и слаб и тих —*

*дышит гордость
и непокорность
в этом тихом
шелесте их.*

*Не умирање,
не угасанье!
В пояс кланяюсь деревьям,
и, оцущая ваше касанье,
листья,
низко кланяюсь вам.*

*Вы изранены,
вы избиты,
но вы при этом горите так,
как знамя,
вынесенное из битвы,
как флаг,
вернувшийся из атак.*

*Падают листья
с ветвей поникших,
и этот шелест прощальный тих —
словно реквием
о погибших,
о неумерших,
о живых.*

Загон

*Столбы покрепче в землю вбили,
загон ветвями оплели.
За ним дорога в клубях пыли,
и степь широкая вдали.*

*Она вся маревом объята,
она суха и горяча...
В загоне ходят жеребята,
послушны хлопанью бича.*

*Покорно, медленно, по кругу
в печальном движутся строю,
уже не жалуясь друг другу
на долю горькую свою.*

*Но чуть в безветрии и зное
задышит дальняя гроза —
и что-то древнее, степное
наполнит сразу их глаза.*

*И вдруг забьются, торопливо
ноздрями жадными дыша,
и ржут протяжно и тоскливо,
аж разрывается душа.*

*Тополя
расправляют листки по весне,
Тихо ветры апрельские дуют,
Шелестят тополя, шелестят в тишине,
тополя среди ночи колдуют.
Налетает зима. Холодеет земля.
Мне от этого холода горько.
Но пряны и тверды, как всегда, тополя.
Через зиму идут они. Гордо.*

Мятежники

— На рею бунтарей!
— Ослушников на рею!
Готовы петли. Всех троих. Скорей. —
...И вздернули на рее бунтарей.
Они втроем висели трое суток.
(Так бог велел. Убийцы бога чтут.)
Суров закон морей.
На судне тут
мятежников судом коротким судят.
И снова — в путь!
Шло судно. Волны или.
И полночь в лица брызгами хлестала.
Три тени тех, повешенных,
Устало
по ветру, как по палубе, брели.
И палуба плыла куда-то вбок,
запомнившая стук их смуглых ног.

Над нею были голы небеса,
и голые ступни над ней висели.

*Над гривой волн
в мятежной карусели
мятежников летели волосы!*

*Да, капитан, не радует твой слух
гром дальних бурь, ползущих из тумана,
ведь это ложь, что злой мятежный дух
живет в седой пучине океана.
Что ж, капитан, утешь себя в ночи.
К чертям разбойников с их вздорным духом!*

*Да будет всем вам дно морское пухом,
морские волки, воры, рифмачи!
Но плечи твои холодом свело.
И паруса дырявые провисли.
Гремит корабль, как черное ведро,
на этом страшном звездном коромысле!
Ах, океан, летит твоя волна!
Давай!
Тебя не вздернуть, старина!
И ты идешь за судном по пятам,
мятежником, на фоне неба рея...
Ха-ха! Теперь попробуй, капитан,
попробуй вздерни океан на рее!*

Лоза

*Земли отрада,
Любовь впервые, —
Лоза винограда,
Вицэ де вие.
Страстью палимая,
Неукротимая,
Словно любимая,
Словно любимая...*

*Змеиной верткостью
В камень втекаая,
Жизнью — из мертвости,
Плодом — из камня,
Жилочка жизни
С земною кровью...*

*Непостижима
Зелень безмолвья!
Зноем сжигается,
Влаги не просит,*

*Стужей сжигается,
Солнца не просит:
Белкой зеленой
По небосклону!*

*Целую пепел
Предка, впервые
Давшего имя
«Вицэ де вие».
Жилочка жизни,
Жизни лозиночка:*

*Так нежно длится,
Чтоб лаской налиться,
Вздых-слово девицы,
Отроковицы,
Впервые влюбленной...*

*Да вечно струится
Твой свет зеленый,
Лозина-вица, —
Вицэ де вие,
Жилочка жизни
Из недр Отчизны.*

Ночная смена

*Высокое благородство движений —
Бесиумные, словно тени,
Шаги ночной смены.
Чтобы не потревожить
Сладкий ваш сон на заре,
Не спугнуть
Предрассветные легкие сны,
Для них недоступно далекие,
Словно земля обетованная.
С бесиумностью тени
Уходит домой
Ночная смена.
Девушки теплые
Пахнут свежей выпечки хлебом.
Затуманенными глазами
Медленно погружаются
В зарю и в хмельные сны.
Разъезжают по городу
Молочные фляги
Говорливые, словно тещи.*

*И шоферы
Светом фар прорезают
Тоннели в ночи,
Выходящие в сегодняшний День,
Словно косули древних лесов,
Из сумрака выходящие
В освещенность полян,
Телефонистки ночной смены
Шагают с напряженной грациозностью.
Их слух еще полон
Лихорадочным зовом иных городов,
И осколки страстей человеческих
Тихо потонут на дне
Океана их памяти.
Ночная смена погружается в День
Медленно и торжественно,
Словно подводная лодка...*

Лэутарская песня

Ой, боженька, боже ли,
До поминок дожили!
Ой, стряслась беда лиха —
Проклят я не по грехам,
В лоскуты я проклят, братцы,
Мне страстями век терзаться,
По базарам, по предместьям
Век шатаюсь, кобзы крестник!
Только трону пальцем — враз
Слезы у тебя из глаз;
Коль всех струн ладонь коснется, —
Твое сердце содрогнется;
А уж запою с душой, —
Чтоб ты в землю весь вошел!
Кобза, кобза, древность древа,
Обниму, как птичку-деву,
Да сожму, пока невольно
Ты не закричишь, что больно,
Обнимусь, сколь силы хватит,
Пока дух не перехватит,

*С лютой страстью и тоской,
С кобзой — колдовской доской.
Сколько на земле я буду,
Песню из тебя добуду,
А когда направят в рай,
— Жарче, — прикажу, — играй!
Соберу бродяг, играя:
В пух и в прах державность рая,
Впереверт, Иван святой,
От игры запляшешь той!
Подыграет на чимпое
Брэбэнуц рода Мерлоев,
Чучуленский рябой Лейба,
Тот, что скрипку зубом ел бы,
Трубач Гицэ, сын Пастрамэ,
Чьей трубе нет в мире равной,
И в кусок земли простой
Превратим мы рай святой!
Жми же, кобза,
Жми, как знаешь,
Как на радостях играешь,
Пусть дрожит слеза-слезница,
Что слеза — соль да водица!..*

Прощание

*Сквозь годы я гляжу, как сквозь забор,
гляжу на детство пристально, не строго.
... Смешное, без утрат и без забот,
бежит оно, кудряво, босоного.*

*Когда прощались мы,
пуглив и мал
козленок шел за мной в поля далеко.
Глазел он на меня, не понимая,
что наши игры детские — до срока.*

*Когда б я знал, что детству есть предел,
что впереди тревоги и круженье,
в глаза б того козленка поглядел —
в себя, в свое мальчишье отраженье...*

Вертикаль

*...Кратчайшим путем
Меж двумя точками в пространстве,
Где б они ни были,
Является и вечно пребудет
Прямая.
Эвклид,
Третий век до нашей эры.*

** * **

*Кратчайшим путем
Меж землей и небом
Является вертикаль жаворонка.
Кратчайшим путем
Меж двумя истинами
Является стремительный его полет.
Кратчайший путь
От любви к любви —
Смертельная вертикаль жаворонка.
...Теплый комочек,*

*Божественный замысел!
Нас омывают и сводят с ума
Ливни звуков твоих.
Капли песни твоей
Черешнями падают в ладони детей.
Теплый комочек,
Божественный замысел!
Живая точка на голубой эмали небосвода,
Метеор, летящий в колодец небес,
Страсть и песенный взрыв —
Твое тело!
До самого дна,
До жара гвоздик,
Пылающих перед глазами,
До влажного запаха смерти
Нисходит твоя вертикаль.
А клюв, в котором ты держишь
Зарю весеннего неба, —
Это точка соприкосновения
Земли с твоим полетом
И последняя грань
Между взлетом и падением...
Лети же назад,
Назад в чащи небес!
Вертикальный подъем
С расплавленным солнцем в глазах.
Падение вспять
В звездную дымку;*

*Спокойно и мягко расправлены крылья,
И сонной прохладой
Наполнено щуплое тело твое.
Это игра твоя, жаворонок,
Игра в смерть и любовь,
Самоубийственная вертикаль,
На острие которой
Начинается песня.*

Баллада о напрасно прожитом Дне

*До свидания, День!
Но я знаю,
что встречи
не будет.
До свидания, миг!
Но по-честному —
до никогда.
Мчатся тысячи дней,
но вчерашний,
он разве разбудит?
Нет!
Вчерашнего дня
не влетит
золотая орда.
Встречу тысячи дней,
но единственный День
провожаю.
Он в зеленом вагоне
влепил подбородок
в окно.*

*Я не стоил его,
и поэтому
к горлу ножами
подобралась тоска,
от которой
не лечит кино.
Буду землю ласкать,
целовать травянистые склоны,
над которыми поезд
колесами станет
вращать.
Знаю,
в миг расставания
все мы к амнистиям
склонны.
Но убийство
Прошедшего Дня
разве можно прощать?
Арифметика
времени —
библия всех арифметик.
В арифметике
времени —
тайна живого белка.
Что такое мгновенье?
Море, которое светит
посредине земли.
Тонкий гвоздь,*

Сколотивший века.
О мужчины и женщины!
Низко вам кланяюсь
в ноги.
Вы с утра улыбались
и думали:
я вам родня.
Разве девочка знала,
меня увидав на дороге,
что она повстречала
убийцу Летящего Дня?
Было небо огромно,
был город
зеленым и белым.
Карандаш лесоруба
отметиной лег на коре.
Я мгновенья расталкивал,
я суетился и бегал,
локти — в стороны,
руки — в карманы,
как шут при царе.
Слышишь?
Колокол бьет.
Так звонят
на пожар,
на восстанье.
Так отчаянно бьет
уходящий в историю миг.

До свидания, День!
И свой грех искупать
я останусь,
как за тридцать монеток
продавший Христа ученик.
Я стою на откосе.
Краснеет дорожная веха.
Что же медлишь ты, солнце?!
Казни за убитые дни.
Мгновенья летят!
Но я все-таки
сын человека!
Я хочу быть
огромен
и щедр,
как они.

Я пью вино

*Без шапки,
словно верующий,
стоя,
из темных извлеченное глубин,
я пью вино старинное,
густое,
горящее на солнце, как рубин.*

*Я пью его медлительно,
степенно,
в почти благоговейной тишине.
Как будто солнце пью,
и постепенно
его огонь
расходится во мне.*

*Я пью вино.
Я пью прозрачно синий
вечерний сумрак
и полдневный зной.*

Пью августовский дождь
и первый иней,
что лег на лист зеленый вырезной.
Я пью тепло той женщины,
чьи руки
причастны к этой терпкости давно,
и мудрость удивительной науки,
из солнца созидающей вино.

Пью доброту
улыбки винодела,
которая хитра и весела.
Пью музыку,
которая летела
с осенних скрипок
нашего села.

Я пью настой
из небребродившей
горячей смеси ливня и огня,
и кланяюсь земле,
его родившей,
и солнцу,
опалившему меня.

Послание деду Анисиму, садовнику, которое не было ему отправлено

*Летает цвет черешни
и не тает.*

*Ах, эта вьюга снежной белизны!
Она меня ночами замечает,
и сны мои белы и неясны.*

*Мне кажется черешня
только тенью
какого-то другого деревца,
но сыплет она белую метелью,
и снегопад бушует без конца.*

*Сквозь этот снегопад
я вижу сени,
пропахшие плодами и травой,
и девочку,
идущую весенней,
ко мне ее ведущую,
тропой.*

*Она теперь серьезная, большая,
ко мне она не выйдет под окно.
И ты, мой дед,
черешне подражая,
наверно, побелел уже давно.*

*Но все остер,
как встарь,
и независим,
и флягу не таскаешь без вина...
Ту старую черешню, дед Анисим,
ты не руби —
пускай живет она!*

*Она стара,
она полна смятенья,
но пусть опять, глаза мои слепя,
метет в саду метель ее цветенья,
метет,
напоминая мне тебя.*

*Летает цвет черешни,
и не тает
ее метель,
уже который год
она меня ночами замечает
и все никак уснуть мне не дает.*

Я — человек с лэутой

*Мне струны — карой лютой
И жизнь, и смерть несущие,
Я — Человек с лэутой,
Я тень твоя поющая.
Из трелей жаворонка
И страсти сотворен я,
Из тишины пустынной
И балаганных ревов;
Из похоти, соблазнов
И обнаженной боли я,
Из плутовской побаски
И нежности глаголемой;
Я — ливень в диком танце
На вашей кожи глянце,
А у невест на теле
Я — шелка тихий шелест;
Оборванной струны стон
И горсть земли надгробной, —
Ваш скоморох неистовый,
Смурной и сумасбродный,*

*Я есмь Часы и Путь ваш,
Во тьме — звезда ночная,
Мгла осени беспутной,
Косая и хмельная,
Я — лэутар: сам дьявол
Во мне соткал в одно
Кремень с его кресалом
И страсть с ее струной.
Льюсь в души светом звездным,
Дождями в лица лью
И жаворонков гнезда
Я в каждом сердце вью.*

Овидий

*В песках отшельничьих
Ветер косой,
Горбятся плечи.
Чело поникает в стужу,
Очи — в Понтийские воды.
Сухие морозы.
Тревожное бдение
Денно и noctно.
И молчание Рима...*

*«Кесарей милосердие...»
Великодушие Кесарей, где ж оно?
Морщины лица
Смех искривили
В усмешку горькую.
Цезарь мертвее мертвого.
Августейшее тело его —
Пища червям...
Бдение. Денно и noctно.
И молчание Рима...*

*«Ни воздух,
Ни воды,
Ни эта земля,
Ни небо над ней
Не по душе мне.
В варварском этом краю
Точит мне очи и разум
Видение Рима.*

*Бдение.
Денно и ночью
на этих пустых берегах.
И молчание Рима...»*

*«Друзья, я любил вас,
Как другим никому неподсильно.
Душу свою под давитьню
Гроздью клал виноградной...»
— Женщина, дай мне глоток кипятка,
В моих костях
Зима леденеет.
И скажи мне, женщина,
Нет ли вестей из далекого Рима?»*

*«Унижений и мук моих времена!
Обрывки песен я создал
На сарматском наречии...
И сарматов жрецы*

*Подарили мне волчью шкуру
И полное блюдо немолотой ржи,
И был я увенчан ими
Жестким венком из плюща...»*

*«Не пожалей, женщина, глотка кипятка —
В костях моих
Лед зимы многолетней...
Милосердия, римляне,
Милосердия!»*

*На локтях и коленях
Поползу я, неведом, неузнан,
И мертвый, но все же войду
В крепость гордого Рима!»*

*Варвары бьют в глухоту барабанов
Глубоко, замогильно.
Потрескавшиеся от морозов губы
Связывают песен обрывки
На сарматском наречии.
Публий Овидий Назон
В вечный сон погружается.
Варвары бьют в глухоту барабанов!
...И молчание Рима.*

Плач по Гарсиа Лорке

*Пять пуль в тот череп, под которым
Цыганок конных пляс, как дрожь,
В гитарных бедрах струнный шорох
Луною порожденных роц.*

*Пять пуль в то горло, где кострами
Все почки вспыхивали вдруг,
И лемех песни честно, прямо
Взрезал покров души, как плуг.*

*Пять пуль в то тело, где, обрушив
Бег напряженный бычьих стад
И надломив рога и душу,
Порыв нежнее неги стал.*

*Пять пуль в то сердце, где с толпою
Лесов, быков, коней, людей
Блеск городов у водооя
В хмурь деревенскую глядел.*

Пять пуль в Испанию!

И птица

*В гнезде жизнь кровью изольет...
Франсиско Франко — ты убийца,
Плюю на стерво я твое!*

*Убив его, Франсиско Франко,
Где ты тайком его зарыл?
Связал, забил семь плах, от страха
Семь плит тяжелых навалил?..*

*Для белых петухов был черным
Свет Федерико зерен-глаз —
Повыклевали очи-зерна...
Гарсиа Лорка мертв. Угас.*

*Вся Кордова в цыганском плаче,
И в голос плакал я, убит.
И бог рубаху неба — в клочья,
Рыдал до судорог, навзрыд!..*

История абрикосового дерева

*Идем со мной!
Ты мне всего на свете
дороже,
и поэтому сегодня
я именно тебе сказал: идем!
Нам будет легче выдержать вдвоем,
а одному такое не по силам.
Сюда идут с любимой
или с сыном,
в компании знакомых и друзей.
Сегодня здесь музей,
но перед этим
была тюрьма.
В глухом ее дворе
стоит большое дерево,
сгибаясь
под тяжестью оранжевых тяжелых
пахучих абрикосов.
От него,
от дерева,*

лишь несколько шагов
до камеры, где смертники сидели.
Должно быть кто-то косточку давно
швырнул в окно,
и деревце несмело
пошло расти.
А в камере, на стенах,
написана история его...
Твоя ладонь легка,
в своей ладони
ее легко я спрятал.
Ты моложе —
(на год, на два,
но все-таки моложе),
чем это дерево.
Как раз настолько
моложе,
чтоб не помнить о войне.
Сорви же плод оранжевый тяжелый
и откуси зубами эту мякоть.
Теперь пошли!
Мы в камеру войдем.
Здесь тишина и холод.
За решетку
не проникает солнце, —
вероятно,
и солнце за решеткой жить не может,
как это абрикосовое дерево,

*история которого на стенах
тюремной камеры
отражена.*

*Напротив нашей камеры сегодня
пробился стебелек — возможно, тополь,
а может, вишня, я не знаю точно.*

*Недаром в школе сдал естествознание
на двойку.*

Смерть фашизму!

Дину Сава.

*А дальше
ровным почерком и круглым
написано,
как будто на уроке
чистописанья:*

Мама!

*Под окошком
у нас недавно вырос абрикос,
совсем такой же, как когда-то рос
у нас в саду.*

Не надо плакать, мама!

А я давно не плачу.

Верь в победу!

*А рядом надпись краткая, скупая,
должно быть, нацарапана гвоздем:
Сегодня абрикос зацвел впервые.*

И дальше:

*Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!*

Виктор, Влад, Кирилл.

*А дальше кто-то вывел торопливо
внизу, почти под самую решеткой:
Лили! Когда ты вырастешь большая,
красивая, как яшма, — вместе с нею
приди сюда и абрикос попробуй,
созревший здесь, на дереве, что я
в последний раз сегодня вижу.
Папа.*

И дальше кто-то вывел неуклюже:

*Василе Войку из села Пояна
вас просит:*

*как увидите на воле
случайно Нор Юстинию — скажите,
что я ее женой своей считаю.
И если у нее родится мальчик,
пусть он зовется именем моим.*

*Опять шаги я слышу —
по ступеням
идет экскурсовод,
о, может, просто
случайный одинокий посетитель.*

*А может быть, подросшая Лили
с состарившейся матерью.*

*А может,
тот мальчик, сын Юстинии.*

*Мы все
сюда приходим,
чтоб учиться помнить,
дышать и ненавидеть
и смеяться,
печалиться за мертвых и живых.*

Колокол Пабло Неруды

(поэма)

Я воспевал твоё копье и твой щит,
И ты умер...
Щит и копье твоё
Кому отдать?
Дух твой в ком теперь
бродяжничает?

(Из похоронного церемониала
арауканских индейцев)

I.

Твое тело
Завершило свой путь
В метастазах.
Но душа, Пабло,
Душа?!

II.

В твоих глазах,
Ещё открытых для жизни, —
Птица агонии.
Последнее плавное падение вниз

*По спирали.
Апокалипсический клюв,
Растерзанное тело —
Птица агонии.
Крылья из пепла,
Перья из праха —
Птица агонии.
О, прекрасная белая птица —
Республика Чили...
В твоих глазах,
Еще открытых для жизни,
Это жуткое
Последнее падение вниз,
По спирали —
Республика Чили...
Птица агонии.*

III.

*Известия нынче —
Это ползущие костры.
Они, как океанские лайнеры,
Объятые пламенем,
Входят один за другим
В старый порт —
Твое сердце.
Когда-то
В этот порт,*

Подобием сверкающих чаек,
Пронзая воздух и воду,
Взрывая пространство,
Входили добрые вести.
Ах, Пабло, Пабло,
Хмель надежды и головокруженье
От добрых вестей...
Одинокая нынче звезда
В этом аспидном небе —
Скорбь по добрым вестям...
Да и небо само,
Это жуткое черное небо,
Как тяжелый холодный гранит
Навалилось на веки...
Пабло, Пабло,
Ах, бывшее хмельное
И дерзкое головокруженье
От добрых вестей.
Запах свежей тортильи
С поджаристой корочкой,
Только из печки...
Добрые вести, Пабло!
Золотистая нежная сила
Девичьего тела —
Добрые вести.
Типографский пронзительный запах
От оттиска первой поэмы —
Добрые вести.

*Батальон волонтеров в Испании —
Добрые вести.
Добрые вести, Пабло!
Прекрасная белая птица,
Парящая над Атлантикой, —
Республика Чили...*

*Но вот и дурные вести,
Дурные вести, Пабло, —
Скелеты сожженных пароходов.
Порт руин — твоё сердце.
В нём, пустынном и страшном,
Липкий дым
Тянет руки
К обугленным мачтам,
К скелетам сожженных судов...
Дурные вести, Пабло.
Небо твоё —
Теперь потолок одиночки,
Карцер смертника,
Где бешено пляшет
Одинокое пятнышко света,
Хаотичная белая бусинка веры
И запретной надежды.
В черном траурном небе,
Подобно движению снега
Во мраке,
Едва уловимы*

*Скольженье и шелест,
Шорох призрачных крыл...
И тогда
Ты, Пабло,
Всем своим существом
Превращаешься в слух.
Кожа, мышцы и сухожилия,
Волосы и слепые глаза —
Это слух,
Это слух обостренный,
Лихорадочно жаждущий звука
Шелестящих стремительных крыл...*

*Да, ты прав,
Это чайка,
Последняя чайка
В аспидном небе средневековья
Мечется, обезумев от страха,
От обилия мрака страдая,
Сумасбродная белая чайка,
Сумасшедшая чайка надежды
Мчится косо по небу
Твоего безутешного сердца.*

*О, какое безумное счастье,
Что жива она —
Чайка надежды
В небе цвета смолы инквизиции —*

*Голубая и теплая,
Сладостная молочная капля.
Ах, как бьется,
Как бьется она —
Неразумная чайка надежды.
Ее горестный крик разрывает
Твое имя — республика Чили.*

*Он — в тебе,
В твоих смуглых парнях,
В бесприютных кварталах лачуг,
В малой горстке бойцов безоружных,
Что бросают проклятия танкам
И под танки бросают себя.*

*Что ж, недобрые вести, Пабло,
Приносят тлетворный запах,
Недобрые вести, Пабло,
Носят нынешний цвет твоей кожи;
Он — землистый.
А глаза ты поднять не можешь,
Потому что тонны свинца
На ресницах Пабло Неруды...
Ах, вести,
Недобрые вести...
Топор, отрубаящий руки
Поэту Виктору Хара...
Зубы, рвущие струны*

*Хриплой, гневно звенящей гитары...
Злые вести, Пабло, —
Рот чилийца в колючей проволоке,
На глазах которого
Надругались и растоптали
Душу его страны...
Недобрые вести, Пабло,
Это —
Запотевшие стекла очков
И смущенный кашель врача
Вместо ответа,
И лицо женщины,
Слившееся с белой стеной,
И тело,
Твое тело,
Превращающееся в глыбу льда,
Чтоб, подобно странствующим айсбергам,
Вечно плыть по Атлантике,
По Атлантике...*

IV.

*«Умиравший хочет вам что-то сказать...»
Вальпараисо и Пунта Arenас,
Антофагаста и Консепсион,
Кокимбо и Чукикамата,
Темуко и Сант-Яго,*

Умирающий хочет вам что-то сказать!
Склонитесь Кордильеры —
Умирающий хочет Вам что-то сказать.
Распустив высокие травы по ветру,
Беги к нему Араукария —
Ведь это ты знала его с детства.
И ты, высокое созвездие —
Чистая и прекрасная Дева,
Непогрешимая спутница юных поэм —
Снизойди к нему...
Умирающий хочет вам что-то сказать!
Тише...
«Я, Пабло Неруда,
Человек, который никогда ничего
У вас не просил,
Кроме права любить вас,
Смиренно просит сегодня
ОРУЖИЯ и ВРЕМЕНИ.
О, дайте же ему
Из вашей бескрайней вечности
Еще три дня жизни.
Три коротких дня
И оружия!
Но если,
Но если вам кажется,
Что это много,
Дайте один день,
Один единственный день

*И оружие!
Боже, ведь это такая малость...*

*Ну, хорошо, хорошо!
Если и это вам кажется много,
Тогда только час,
Заклинаю, один лишь час
И оружие — для Пабло Неруды!
Остальное — от вечности —
Республике Чили!*

V.

*Теплой искоркой
В аспидном небе,
Жаркой бусинкой,
Сладостной каплей молочной,
Распластав шелестящие крылья,
Сумасшедшая чайка надежды
Плавно, косо срезает воздух
К черным водам полночной Био...*

*— Нафтали, Нафтали, мой мальчик,
Ну, иди же ко мне, Нафтали...
Мы сейчас поедem на поезде.
Ты ведь слышишь, как он вздыхает,
Словно добрый сердитый буйвол?*

*Это папа его пригнал,
Заманил раскаленными углями
И волшебным заветным словом...
Ну, иди же, сынок Нафтали...*

— Мама...

*До чего ж ты красива, мама...
Как светится твоя кожа,
Посиди со мной, мама,
И я буду смотреть на тебя
До прихода ночи.
Знаешь, мама,
Вот уж полвека, мама,
Я не слышал, чтоб мне сказали —
«Сынок, Нафтали...»
Сядь сюда...
Положи мне руку на темя...
Боже, как тяжелеют веки,
Но теперь уже это не страшно...
Мама, мы с тобой закроем глаза,
Пусть нам грезится, что мы живы.*

VI.

*Вечный сон
Поэта Пабло Неруды
Переплетается ныне
Со сном твоих мертвых вулканов,*

*Республика Чили,
С маленьким сном
Лошадиной подковы,
Лежащей без дела
На поле брани,
С яростным сном
Арауканских индейцев,
Со сном непокорных кланов
Племени Она.
Твой сон, Пабло Неруда,
Облачается в сон дозора,
Последнего ночного дозора
На берегу дымящейся Био,
Там, где начинается
Окровавленная и нежная
Родина непокорных —
Милая Араукария.
Сон твой, Пабло Неруда,
Сливается
С казенным сном
Сырого лица в далекой провинции,
С тихим сном госпожи
Высокой и бледной,
Скользящей бесшумно
В черном шелковом платье,
Подобном сутане, —
С широкими складками.
Госпожа директриса,*

Странная и бледная госпожа,
В звуках твоего имени —
Зябкая песня:
Ты, Габриэла Мистраль,
Соловей Америки,
Нетерпение детства
И первое доброе слово
О первом стихе.
Да будет твой сон, Габриэла,
Спокойным и нежным
В нашем жестоком краю,
Да будет он
Глубоким и ясным, как эхо
Твоего стиха, Габриэла...
...Сон поэта Пабло Неруды
Сливается ныне
Со сном рудокопов,
Поставленных к стенке
В Эль-Теньенте,
И Чукикамате,
Со сном бессловесной руды,
Что хранит
Глубоко в своих порых
Кровь добытчиков и свинец;
И с синюшным сном голодухи,
Поселившемся в сердце
Портового грузчика Антофагасты.
Сон твой, Пабло,

Стелется, как пампасы,
Спрягаясь с повстанцами
Эмилиано Сапата,
С гулким бегом коней,
Натянувших поводья,
Распустивших по ветру
Горячие гривы.
Сон твой, Пабло, плывет,
Направляясь на север,
И впадает безмолвно
В горький сон
Истребленных ацтеков,
В черный каменный сон
Безутешного племени инков.
Сон твой, Пабло,
Как бунтующий смерч,
Проходит сегодня
По обеим Америкам
Рука об руку
Вместе со сном Уолта Уитмена...
Усталый путник —
Обожженный твой сон
Возвращается нынче домой.
Он чадит, как руины
Дворца Ла Монеда,
И он груб,
Как солдатское одеяло,
В которое

*Поспешно
Завернули Альянде.
Сон твой возвращается домой, Пабло,
Возвращается,
Чтобы стать бессонницей века.*

VII.

*«Черт, здесь трупом смердит,
Мигель, высади раму!
Что стоите, болваны?!
Тряпки — выкинуть, книги — в огонь,
Поживее, карамба!..
Эй, капрал, посмотри-ка в столе —
Все бумаги, все письма
Возьмет просвещенный наш Мигель!»
«Нервы, нервы, Гонзалес,
Десять храбрых карабинеров
И один безоружный покойник —
Перевес очевиден, не так ли, сеньор?»
«Слушай, Мигель, сладкогласая стерва,
Ты бывал в этом доме,
Был дружен с покойником,
Здесь он тешил тебя
И вином,
И изысканным словом,
Короче, ты знал его слабости,
Страсти, быть может, пороки...*

Ты понял к чему я веду,
Драгоценный мой Мигель,
Медоречивый паскудник?
Это все пригодится,
И ты это должен найти,
Даже то,
Что не знал о себе стихотворец,
Ты изложишь теперь на бумаге
Вдохновенно и с блеском,
Присуцим таланту,
Ведь и ты беллетрист, как покойник!
Он силен был в поэмах,
В эпическом слове,
Ты же — мастер доносов,
Прозаической емкой субстанции,
Состоящей из истин и лжи.
Я здесь вижу
Лишь разницу в жанрах...»
«А десяток карабинеров,
Пожалуй что много, Гонзалес,
На беспомощного мертвеца...»
«Боже мой,
О, всесильный мой боже,
Милостивый и щедрый,
Как ты мудр и великодушен!
О, мой бог,
В справедливых перчатках забвенья.
Если б ты не избавил Неруду

*От бремени буден,
То пришлось бы сегодня
Нам,
Твоим верноподанным слугам
Вершить ~~этот~~ праведный суд.
Потому что и мы понимаем,
Что перо и чеканная рифма —
Суть оружие всех времен.
О, господь, ты их, верно, знаешь:
Эти мерзкие стрекулисты —
От Гомера до наших дней —
Где бы ни были,
Что б ни пели,
Но влекут за собой по свету
Клевету, недовольство, бунт.
Если дерзость их такова,
Что в тебя, о господь,
Они бросить камень готовы,
То поведай, зачем скроил их
Ты по образу и подобию
Своему, о всесильный боже?
Им, поющим бунтарские песни,
Не по нраву наш бранный мир...
Ну а нам, твоим верным слугам,
Нам, о боже, по нраву песни
Те, что люди поют на коленях...»*

VIII.

*Генералам-мятежникам слава!
Автоматчикам бравым
И танкам «шерман» —
Слава!
Доносчикам и филерам,
Ракетам «воздух-земля»
И летчикам-перехватчикам
Слава!
Сегодня — их славный день.
Внимание, проходят мятежники —
Дети, оставьте игры.
Проходят мятежники —
Женщина, шире окно.
Мимо проходят мятежники —
И старики свои острые плечи
Приподнимите над костылями.
А вы,
Вы — безоружные юноши,
Ощущая всю тяжесть
Растерзанного неба республики Чили
На своих неокрепших плечах, —
Вы напрягайте зрение,
Вглядывайтесь и запоминайте
Эту грохочущую технику,
На миг отразившуюся
В сетчатке ваших пристальных глаз,*

*Ибо так поступает охотник.
Пристальнее,
Еще пристальнее!
Ничего не упустите,
Бережно, как последние крохи
Уходящей надежды,
Храните светлый образ мятежника,
Ибо нынешний день —
День их славной победы!
...Потоки многих дождей
Смоют следы с булыжника,
И люди, склонившись над буднями,
Словно над чашкой молока или кофе,
Понемногу забудут,
Понемногу забудут историю.
Трава любви, облеченная нежностью,
Прорастет из печали,
И радость хлынет
В страждущие после затмения души.
Но время от времени
В ваши ворота
Будет ломиться как каторжник
С вечным клеймом на лбу —
Мой яростный крик:
«Да здравствуют генералы-мятежники
До дня своей перекладины,
До дня намыленной петли,
До дня старательной пули —*

*У последней тюремной стены!
До этого дня
Да здравствуют генералы!
Да здравствует филер,
Усердный хозяйский пес,
До дня своего живодера!
Да здравствует доносчик
И озверевший сержант
До дня кипящей смолы
В котле
За воротами последнего судного дня!»*

IX.

*Южное небо нынче
Словно умолкший колокол.
Небо над полушарием —
Колокол без языка.
Видимо, он лишился
Голоса — этот колокол,
Но если был раньше голос,
Куда ж он сейчас ушел?
И вот я своими руками
Тянусь к созвездию Девы,
Я ее обнимаю
И становлюсь языком
Колокола умолкшего*

Над водами и материками,
Я задеваю вершины
Стонущих Кордильер.
И вот уже в воздухе мира
Звучит и плывет стенанье,
И глаз добрейшего солнца
Становится черным на миг.
...Но нет, не качнулась Дева
В звездном своем одеянии,
Чистая и прекрасная
Пабло Неруды любовь.
Такое могло случиться
Лишь только в Стране Поэтов,
Где скромный чилиец Пабло
Прошел свой путь до конца.
Там и сейчас печально,
Протяжно и непрерывно
Плачет по Пабло Неруде
Колокол без языка.
Так почему же в мире
Не зазвучат все сразу
Колокола надежды,
Гнева колокола?
Хотя б только раз в столетие
Кольнуло б одновременно,
Одновременно бы сжало
Сердца всех граждан Земли.
Это, наверное, было бы

*Выходом из затмения.
Если б такое случилось,
Случилось хотя бы раз,
Мы вышли бы из печали
Гораздо ближе друг другу,
Как в поэме Неруды
Стали бы мы близки.*

POST SCRIPTUM

Вчера ты сидел вместе с нами и курил свою трубку. Ты молча смотрел с экрана, и взгляд твой был тих и задумчив. Из трубки струились бублики дыма, почти осязаемые, пахнущие, круглые, вкусные. Дым нес в себе запахи мира, покоя, семейного очага и вечности...

Что ж, саркофаг и гробница теперь устарели — достаточно небольшой бобины с обычной киноленткой. Все очень просто: мы хороним свое изображение в желатине — правда, неплохо? — и теперь подобно тебе, стихотворец, можем тихо взирать на идущие мимо века и спокойно курить свою трубку за гранью свершившейся смерти...

Но ты, возникший почти во плоти на экране, какой бы прекрасной ни была эта лента, увы, не сможешь ответить на самый житейский из наших вопросов, ну, скажем, как поживаешь, Пабло?

Нет ничего в природе более совершенного, чем смерть. Необратимое. Абсолютное.

Но остается неистребимой струйка дыма из твоей трубки — одинокий дымок вигвама в пустынных степях Араукарии — он влечет меня сквозь сухие ветры по тропам племени Арауко, через высокие и нежные травы забвения, к пойме реки Био-Био. Запах дыма ведет меня к вигваму из высушенных и звенящих бизоньих шкур, он приводит меня к очагу, где над тлеющими углями, словно над божественной поэмой, горестно склонился Пабло Неруда.

Двойная спираль

*Кто мы такие?
Процветающие родичи
Человекообразных обезьян?
Удивляясь себе по сей день,
Прильнули мы к замочной скважине,
И смотрим в себя,
Потрясенные спектаклем
На дне мирового колодца...
Вчера, еще вчера, в Риме
Сердце Джордано Бруно,
Брошенное на костер,
Становилось пеплом, вместе с телом сгорая.
Ответьте, отцы-иезуиты, отцы-властолюбцы,
Слуги господни,
Поднявшие на крюках
Тело неистового Джордано,
Ответьте, кардиналы-тюремщики,
В сутанах, пропитанных кровью и стонами,
Ответьте, кто мы такие?
Жажда, жажда из глаз Бруно,*

Утоленная пламенем ваших костров!
Свята и божественна эта жажда —
Страсть познавать.
С этой жаждой рождаются дети,
С этой жаждой находят они сосок материнской груди
И познают вкус сладкого сна в молоке материнском,
А потом — движение галактик,
Истину и любовь.
Это жажда,
Во имя которой люди идут на костер,
Чтобы, сгорая, спросить
Инквизиторов всех времен:
«Кто мы такие?»
У нас еще хватило духа и юмора
Нацарапать кончиком пера
На небе миллиардолетнем
Бесконечный вопросительный знак —
«Кто мы такие?»
Из Великого Нечто
Мы добыли какие-то крохи, —
И кажется нам, что мы многое знаем...
Но все же
Никогда мы не знали больше, чем сегодня.
Человек —
Вспышка света во времени.
Молния одного мгновения.
Мы грядем издалека,
Из ослепительной пыли

Космических далей...
Мы грядем издалека...
Рой раскаленных капель,
Свернутых в виде спиралей,
Подобно галактикам.
Спиральная форма галактик
Повторяется в нас
Двойной спиралью хромосом.
Головокружительно красива эта истина —
И все же она истинна.
Любой из нас.
Есть космоса модель в миниатюре.
Да, мы те же галактики,
Сработанные в малой форме,
И небо наше — тоже без предела.
И в нас бывают солнечные бури,
И есть свои туманности, пульсары.
Представьте на мгновенье хромосому:
Десятитысячная доля
Кончика иголки,
Вмещающая памяти моря!
В своей двойной спирали хромосомы
Хранят дыхание живое
Прошедших поколений.
Как в раковине, в хромосомах
Из века в век накапливается эхо
Деяний многих женщин и мужчин,
В которых ты был лишь предчувствием.

*И много доблестей и много их пороков
В тебе теперь гнездятся:
Их щедрость, их отвага, доброта,
Их мудрость, гордость, прямота,
Их страсти и любовь, и жажда познавать,
Но также и ничтожество и слабости —
Продажность их и сердца слепота,
Завистливость и тихое коварство,
Двуличие души, звериная жестокость —
Все зло и гниль, накопленные ими,
В наследство, с кровью, перешили к тебе.
Ты не задумался ни разу, содрогаясь:
«Я от кого — от Иуды иль Христа?»
Да, от кого?
От палачей Джордано Бруно
Или от узников, деливших с ним,
Гнилую воду, цепи, злые кары?
В нас корни паутиною сплелись...
Вглядись, прислушайся к себе, узнай,
Какие голоса внутри тебя проснулись,
Какие корни, погляди, растут!
Одни приглушишь ты
И выход дашь другим
Для тех, кто в свой черед
Тебе придет на смену.
В нас корни паутиною сплелись...
Материя, безудержный поток,
Космическая музыка энергии,*

Раскрепощенье форм в порыве духа,
И дух, раскрепощенный в форме!
Материя — паренье журавлей,
Лимонный сад, распад урана,
Метеориты, выцветший папирус,
Песок пустынь и трепет тихой лани,
Снега и божьи коровки,
Дельфины, виноград и белый мрамор,
И временное, человеческое тело —
Божественно задуманное дело.
...Передо мной — земное чудо —
В сиянье полдня женщина стоит.
Материя, какой волшебной властью
В такую форму воплотилась ты?
Откуда этот медленный разлив,
Медово-медный, в теплом колыханье,
Над раковиной уха — над цветком,
Сработанным единой нежной линией?
Откуда смуглой кожи пелена,
Пронизанная светом изнутри?
Кем выточены эти бедра?
А может, отлиты они в мужской ладони.
Откуда шея и овал лица
Со снежными подъемами и спусками,
Где закипают, плачут и поют
Артерии — натянутые струны?
А плечи — что два праздника, взлет,
В них сами небеса нашли опору.

*И кто ж отшлифовал такое диво?
Мильоны лет влюбленный жаркий ветер
Их округлял упорно, терпеливо...
Ресниц прохладных лепестки!
Их тень легка, как пух лебяжий,
Где взяты ночи этих глаз,
Не гаснущие в полдень даже?
Материя — безудержный поток,
Безбрежная симфония энергии,
Скажи, в какой из хромосом
Замкнула ты жестокость и насилие?
В которой спрятала ты заповедь: «Убей!»?
Самопознание...
Глядим в себя —
И ахаем веками удивленно,
Себя нащупываем —
И кажемся себе чужими.
Пока не выверен еще ответ
На вечное: «Кто мы такие?» —
Мы, занесенные сюда космической пылью.
Материя — сплошное бдение.
И вечно перевоплощение
В лабораториях галактик,
Никто не умирает навсегда.
Мы, люди, —
Опыт самосовершенства
Материи в ее движении.*

*Иду к тебе, как лес забытых слов,
Иду, тревожа времена глухие,
Касанье губ моих, как ностальгия,
Любимая из будущих веков.*

*За гранью смерти из страниц тревожных,
Как уголек, теплящийся в золе,
Мой глаз оставлен в книге.
Он заложник
Тех, что недавно жили на земле...*

*Любимая из будущих веков,
Твой предок, смысл любви и смерти взвесив,
Глядит в тебя преступно добр и весел,
Идет к тебе как лес забытых слов...*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Книга. Перевел Р. Ольшевский	3
«Слева у меня в груди...». Перевел Ю. Левитанский	5
Северный лес. Перевел В. Измайлов	8
Риск. Перевела Ю. Мориц	10
«Вам, что со мной пойдете...» Перевел Ю. Левитанский	11
Звезды зовут. Перевел Ю. Левитанский	12
Баллада о синем снеге. Перевел Ю. Левитанский	15
Хиросима во мне. Перевела Ю. Мориц	17
Глобус. Перевел Ю. Левитанский	19
Голуби с нашей улицы. Перевел А. Заурих .	22
Дунайский закат. Перевел А. Заурих	25
«У распахнутых глаз...». Перевел А. Заурих .	28
Ты. Перевел Ю. Левитанский	31
Поздний час. Перевел Ю. Левитанский	33
Никогда. Перевел Ю. Левитанский	36
Заклинание на возвращение журавлей. Перевел В. Измайлов	39
Исход. Перевел В. Измайлов	41
Руки плебея. Перевел А. Заурих	43
Колядка твоего имени. Перевел В. Измайлов .	45
Расковывание. Перевел В. Измайлов	46
Маленькая поэма в ритме колыбельной. Перевел автор	49

Отлив. Перевел В. Измайлов	51
«Те женщины, которых я любил...» Перевел В. Измайлов	53
«Вновь эта мгла...» Перевел Ю. Левитанский .	55
«Мой край...». Перевел А. Заурих	56
Вкус твоих губ. Перевел В. Измайлов	57
Эхо. Перевел В. Измайлов	63
«Приходят наши осени...». Перевел А. Малашенко	64
«Черный лес...» Перевел А. Заурих	66
«Ах, небо, небо...» Перевел В. Измайлов	67
Мажорная элегия. Перевел Ю. Левитанский .	68
Загон. Перевел Ю. Левитанский	70
«Тополя...» Перевел А. Заурих	72
Мятежники. Перевел А. Заурих	73
Лоза. Перевел В. Измайлов	75
Ночная смена. Перевел В. Измайлов	77
Лэутарская песня. Перевел В. Измайлов	79
Прощание. Перевел А. Заурих	81
Вертикаль. Перевел Б. Мариан	82
Баллада о напрасно прожитом Дне. Перевела Ю. Мориц	85
Я пью вино. Перевел Ю. Левитанский	89
Послание деду Анисиму, садовнику, которое не было ему отправлено. Перевел Ю. Левитанский	91
Я — человек с лэутой. Перевел В. Измайлов .	93
Овидий. Перевел В. Измайлов	95
Плач по Гарсиа Лорке. Перевел В. Измайлов .	98

История абрикосового дерева. Перевел	
Ю. Левитанский	100
Колокол Пабло Неруды (поэма). Перевел	
Е. Лучковский	105
Двойная спираль. Перевел Б. Мариан	127
«Иду к тебе, как лес забытых слов...» Перевели	
Р. Ольшевский и автор	133

Эмиль Владимирович Лотяну

ДВОЙНАЯ СПИРАЛЬ

Редактор А. Единевская.

Художник И. Кырму.

Художественный редактор Н. Тарасенко.

Технический редактор Е. Берништейн.

Корректор Ю. Цуркан.

Сдано в набор 1/III 1976 г. Подписано к печати 19/VII 1976 г. Формы 60X90¹/₃₂. Бумага тип. № 1.

Печатных листов 4,25. Уч.-изд. листов 4,13.

Тираж 5000. Цена 43 коп. Зак. № 265.

Издательство «Картя Молдовеняскэ»

Кишинев, ул. Жуковского, 44.

Полиграфкомбинат Госкомиздата МССР, г. Кишинев, ул. Т. Чорбы, 32.

Эмил Лотяну — поэт, кинодраматург, кинорежиссер (р. в 1936 г.) — автор поэтических сборников, выпущенных центральными и республиканскими издательствами: «Збучум» («Смятение»), «Комоара стелелор» («Зов звезд»), «Белая радуга», «Стихи» и др. В этот сборник вошли его лучшие стихи.